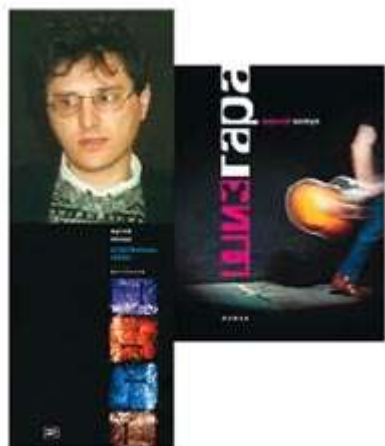

Письмо и чтение в Кузбассе Часть I. Прозаики, драматурги, литературоведы.

Эти заметки посвящены литераторам кузбасского происхождения, пользующимся известностью и за пределами области. Одни из них по-прежнему живут в наших местах, другие переехали в столицы или соседние города. Одни недавно умерли, другие благополучно здравствуют. Критерий тут один — конвертируемость творчества за пределами Кузбасса. В конечном итоге именно упомянутые здесь персонажи, по нашему убеждению, определяют кузбасский, а частично и российский литературный пейзаж конца XX — начала XXI столетий.

текст **Юрий Юдин** фото **Дмитрия Кузьмина**

За редким исключением, мы не будем касаться творчества членов Союза писателей Кузбасса. Эти почтенные деятели по большей части носят бороды лопатой, называют друг друга «старик» и по мере сил пытаются сеять разумное-доброе-вечное. Среди них есть и небесталанные люди, и откровенные графоманы. Грустно то, что они давно уже варятся в собственном соку, занимаясь литературным самообслуживанием, и лишь давние связи с другими региональными писсоюдами и парочкой «патриотических» толстых журналов помогают им поддерживать иллюзию собственной востребованности.

Впрочем, к самому почтенному из кемеровских прозаиков, Владимиру Мазаеву, вышесказанное не относится. Авторитет и литературная репутация его безоговорочны и безупречны. Печатается он с 1953 года. В 1970-е приобрел известность сочинениями на модную тогда геологическую или экологическую проблематику. Повести его, например, рецензировал в «Новом мире» молодой критик Виктор Ерофеев, нынешний стареющий анфан террибль русской словесности.

Романа Мазаев так и не написал — да и не был слишком этим озабочен. Зато создал ряд отличных рассказов, среди которых выделяется истинный шедевр «Без Любви прожить можно», достойный включения в любую, сколь угодно взыскательную антологию русской прозы XX века.

В последние годы Мазаев пишет прозу полудокументальную — или искусно мимикрирующую под таковую. Это повести, целиком построенные на своих или чужих воспоминаниях, или очерки, заставляющие припомнить манеру позднего Виктора Астафьева. Беда в том, что Мазаев всегда был писателем слишком совестливым и не слишком самоуверенным. Если что-то и помешало ему сделаться писателем российского масштаба — это именно недостаток апломба и нерасчётливая писательская стратегия. Между прочим, когда честолюбивый апломб вполне реализуется, его называют величием замысла. Это качество было у того же Астафьева — и заставляло закрывать глаза на явные несовершенства некоторых его поздних опусов.

Но в Кузбассе он — безусловный живой классик. Спектакль по его прозе «Живы будем — свидимся» не первый год держится в репертуаре облдрамтеатра. Да и вообще, «Владимир Мазаев» — имя у нас почти нарицательное. Само звучание его приводит на ум некрасовский отрывок «Дед Мазай и зайцы». Можно кстати припомнить анекдот: «Ты кто? — Писатель. — Какой такой писатель? — Ну, писатель, прозаик. — Про каких таких заек?!» Так что «прозаик Мазаев» — имя мифологическое.

Сергей Солоух — псевдоним, который меня раскрывать не уполномочивали. Отметим только, что его носитель — кемеровский менеджер, подвизающийся то в банковской сфере, то в области коммуникаций, то в угольной промышленности.

Впрочем, у прозаика Солоуха собственная известность и собственная судьба. Первый его роман под названием «Шизгара» (1989) когда-то номинировался на Букеровскую премию ещё в качестве рукописи, второй роман «Клуб одиноких сердец унтера Пришибеева» (1995) и третья книга — цикл рассказов «Картинки» (1998) — отметились в шорт-листах не менее авторитетного когда-то «Антибукера». Имеются у автора и достаточно престижные интернет-премии, премии литературных журналов и пр.

Издательская история его книг была иногда весьма извилистой. «Шизгара» должна была выйти ещё в СССР, в московском издательстве «Пик» (автор даже успел получить гонорар — в те времена за изящную словесность еще платили достойные деньги), а издательство возьми и лопни. «Шизгару» в результате напечатал в 1994-м саратовский журнал «Волга», книжное же издание появилось лишь десять лет спустя. Беда в том, что к этому времени роман о молодых людях начала 1980-х приобрел интерес скорее исторический.

«Клуб» был впервые издан в Кемерове небольшим тиражом и был переиздан в 2002-м в московском издательстве «ОГИ». Затем автор предпринял беспрецедентную акцию: целиком переписал этот роман и переиздал его под новым названием — «Самая мерзкая часть тела» (СПб, 2004). Дело в том, что «Клуб» был написан причудливой ритмической прозой, несколько напоминающей Андрея Белого; «Часть тела», написанная куда более традиционным слогом, оказалась, по сути, иным романом.

Цикл рассказов «Картинки» вышел в Питере в конце 90-х. Рассказы были снабжены чеховскими, купринскими, бунинскими и леонид-андреевскими названиями, причем из самых хрестоматийных (типа «Попрыгунья», «Морская болезнь» или «Баргамот и Гараська»). Сюжеты большей частью были вполне самостоятельными, но некоторый остаточный лиризм русской прозы столетней давности в этой прозе безусловно

чувствовался. Продолжением этой линии стала книжка рассказов «Естественные науки» (2008).

Все книжки Солоуха снискали в итоге вполне сочувственную прессу, но чтобы с полным правом назвать их событиями в литературе, всякий раз не хватало самой малости — модным автором, на каждую новинку которого считает нужным откликнуться всякое издание, Солоух так и не сделался. Впрочем, он в этом, по-видимому, и не нуждается: ему милее прочная известность в узких кругах.

В издательской аннотации на одну из книжек было сказано, что автору «чрезвычайно дорог титул сибирского Селина, которым наградили его преданные читатели». Ежели брать в расчёт не слог (фразы у Солоуха, в общем, скорее короткие, но в то же время витиевато-закрученные), но тип юмора и особенности сюжетосложения (это в первую очередь комизм положений, доходящий иной раз до полного бессердечия), Солоух скорее напоминает сибирского Ивлина Во. И даже проходит на своём поприще примерно те же периоды: от жестковатого сарказма «Шизгары» к вкрадчивому лиризму «Картинок» и «Естественных наук».

В 2007 году журнал «Октябрь» опубликовал солоуховскую повесть «Щук и Хек», представленную как «фрагмент нового романа». Вообще, Солоух по-прежнему активно сотрудничает с толстыми журналами. Кроме того, в последнее десятилетие вышла его музыковедческая книжка про Фрэнка Заппу под названием «Паппа Зарра» (под псевдонимом Владимир Советов) и книжка про строителей и проектировщиков московского метро. Все эти сочинения в том или ином виде при желании нетрудно разыскать в Интернете.

Действие большей части произведений Солоуха происходит в городе Южносибирске и его окрестностях. Угадывать за его описаниями знакомые проспекты и закоулки — отдельное удовольствие. Скажем, «Молочное кафе «Чай» на Советском проспекте» на первой же странице «Клуба» многое скажет сердцу всякого старого кемеровчанина. В целом остаётся удивляться, отчего кузбасские литературоведы не пишут об этой прозе диссертаций: солоуховские девушки — тип не менее любопытный, чем тургеневские, а топографию Южносибирска исследовать не менее увлекательно, чем топографию джойсовского Дублина.

Евгений Шестаков родился на Урале, жил и учился в Новокузнецке, там окончил среднюю школу, потом продолжал образование в Томском университете, нынче живет в Подмосковье. По-видимому, можем считать его своим земляком не в меньшей степени, чем уральцы, томичи и подмосковичи. Тем более, что упоминания Кузбасса нередки в его писаниях.

Первоначальную славу его составили, по сути, два рассказа, которые в 90-х кочевали с сайта на сайт. Впрочем, Шестаков в ту пору публиковался в «Огоньке», «Магазине» Михаила Жванецкого, «Московском комсомольце», «Литгазете» и пр. Сотрудничал с радио «Свобода». Получил малую премию «Триумф» — для молодых и многообещающих деятелей искусств (большой «Триумф» учреждал в свое время Борис Березовский, и это была самая полновесная и престижная премия в стране; нынче про неё ничего не слышно — хотя многие начинания Бориса Абрамыча, от «Единой России» до Первого канала, вполне себе процветают).

Недавно у Шестакова вышли две книжки рассказов — на мой вкус, неудачных. По крайней мере, обещал он гораздо больше, чем исполнил. Но куда больше его текстов народ услышал с телеэкрана. Дело в том, что полтора десятилетия кормился он в основном сочинением монологов для записных деятелей телевизионного «Аншлага» и его окрестностей (типа Ефима Шифрина, Клары Новиковой, покойного Михаила Евдокимова и т.п.). В итоге Шестаков получил еще несколько премий для деятелей юмористического жанра, в последние годы и сам стал появляться на экране. Словом, человек он вполне успешный. Беда, однако, в том, что пошлость телевизионных успехов, похоже, загубила в нем самого смешного писателя со времен Зощенко.

«Ему почудился вдруг заснеженный Папанин, кормящий с руки декабристов; склонившаяся к самой земле бузина в огороде повешенного дядьки; маленький лесной заяц, недоуменно уставившийся на совсем маленького лесного вепря; чьи-то ловкие руки в чьем-то зазевавшемся задку; одинокий, но очень внимательный глаз из-под фуражки с головой Горгоны на околыше; теплые носки на холодных ногах убитого за правду; провалившаяся по уши в грязь единственная приличная женщина в городе; заплёванная сорванцами луна над чисто вымытым домиком пристава; его же, пристава, серебряная цепочка на нем же самом, по ошибке надетая на ногу; маленький щербатый монгол верхом на монгольфере; серебристый след лайнера на вспаханной им земле; тихий неразговорчивый мальчик после смерти отца, матери, бабки, деда и, если получится, теток; тонкие пальцы на крышке рояля, они же на полу по всей комнате; сонное чмокание из берлоги, окружённой партизанами; первые седые волосы в подаренном на память медальоне; розовый младенец у материнской груди в разрезе; семейный натюрморт у камина; всклокоченная борода и кусок губы среди трофеев; бомба с арены в почтеннейшую публику; луковый суп эшелонами через Гоби и Хинган; улыбка каналы на лице светоча; уверенная зрелость, ковыряющаяся в нежной доступности; лимонный сок из горлышка в горло по пищеводу и обратно; саксонская чашечка в двух сантиметрах от пола; пламенный привет из паровозной топки; перекрашенная шестиконечная звезда с отломанным концом; взрыв страстей на пищевой помойке; два фальцета и один дискант с автоматами; шесть мячей в свои ворота на бис; грубого помола народ у захваченного в бою органа; по-праздничному растегнутые ширинки и удалая песня из канавы; любезные сердцу жареные почки с яйцами; сорок ударов стамеской вместо выстрела; дивная перина за чудесную свинью; злобная собака мехом внутрь и лаем наружу; чья-то добрая зависть из-за могильной ограды – и осеняющий все это двуручным крестом покойный Христос-Пантократор».

Евгений Гришковец — безусловно, самый успешный деятель из перечисленных. С самого начала сольной своей карьеры, пришедшейся на конец 1990-х, он был увенчан многочисленными лаврами как актер и драматург. Впрочем, кемеровчане оценили редкостный его талант почти на десятилетие раньше. Сразу нужно оговориться, что к Гришковцу как театральному деятелю я отношусь с искренним восхищением и всяческим пиететом.

Гришковец-прозаик — фигура далеко не столь однозначная. В свое время Евгений Гришковец нашел замечательную отмычку к чувствам публики, в особенности театральной. Но прозаические его опыты — а их набралось уже на два романа, повесть и две книжки рассказов — показывают, что эта отмычка вовсе не является универсальной. Дебютный роман «Рубашка» (2004), при всех оговорках, показался скорее удачным. У него было два важных достоинства. Первое: это жгучая и неостывшая современность; за нее сейчас мало кто берется, а кто берется, как правило, терпит неудачу. Гришковец нашел для её описания свою интонацию. Впрочем, она была ровно той же самой, что и в его знаменитых монопесах. Второе достоинство: беспощадный психологизм, абсолютная честность, проявляющаяся даже в фигурах умолчания. Впрочем, это качество неотъемлемое от упомянутой интонации.

Затем последовали «Реки»: по размеру — повесть, по жанру — эссе автобиографического характера, с беллетристическими вставками. Отдельные места здесь заметно превосходили целое; к тому же перед глазами были относительно недавние и куда более яркие явления в этом жанре, например, «Трепанация черепа» Сергея Гандлевского. Явившиеся затем рассказы были сделаны в манере добротной позднесоветской прозы, с обстоятельным психологизмом и тщательно прописанными типажам. Такую прозу, очень достоверную, но несколько старомодную, писали, например, Павел Нилин или Владимир Тендряков. Кабы не громкое имя автора, сдаётся, книжка прошла бы незамеченной.

В романе «Асфальт» явился тот же герой, что и в «Рубашке», только постаревший лет на шесть. Слегка педант, немножко зануда, при этом очень ловко манипулирующий людьми. Людей этих зовут Юля, Володя, Сережа, Стёпа, Аня, причём одним сильно за тридцать, другим и вовсе под пятьдесят. Они обращаются друг к другу «дружннще», «братец», «ребята», «милая», «дорогой друг» и т.п. В общем, октябрята — дружные ребята, читают и рисуют, играют и поют, весело живут. После этого романа и публика, и критика, наконец, стали догадываться, что ей втюхивают что-то не то...

Как ни странно, профессия писателя, не приносящая нынче ни денег, ни славы, по-прежнему почтенней профессии актёра или режиссёра. Оказывается, недавно Гришковец даже грузинскому президенту Саакашвили втолковывал, что «писатель в России больше чем писатель». Я узнал об этом из гришковцовского интернет-дневника, который «Известия» перепечатали в дни югоосетинского кризиса.

Все это, разумеется, не отменяет того обстоятельства, что на драматургическом поприще у Гришковца случались настоящие удачи. Это, прежде всего, восхитительная камерная пьеса «Зима», а также ранние его монологи «Как я съел собаку» и «ОднoврЕмЕнно». Из драматургов кузбасского происхождения определенного положения достигли Марина Мареева и Юрий Солодов — сценаристы нескольких известных художественных фильмов и сериалов. Но разговор о них как о литераторах придется отложить, пока они не выпустят хотя бы по книжке.

Теорию литературы в Советском Союзе делали вовсе не в столицах — в Москве и Ленинграде — слишком силен был идеологический пресс. Зато в Тарту сидел Лотман, в Донецке — Гиршман, в Ижевске — Корман, а в Кемерове — Тamarченко. Все они заведовали университетскими кафедрами и собирали вокруг себя единомышленников. Так возникали блестящие научные школы.

Нынче бывшая кафедра теории литературы КемГУ переехала чуть ли не в полном составе в столичный Российский государственный гуманитарный университет. И теперь это — главное место, где делается теория литературы в России. Корифеи — Натан Тamarченко и Валерий Тюпа — издали целую серию университетских учебников по теории литературы и исторической поэтике. Несколько задержавшись в Новосибирске, не так давно последовал за ними и Михаил Дарвин, замечательный исследователь русской лирики. Не затерялось и относительно младшее поколение. Дмитрий Бак одно время подвизался как литературный критик, но в итоге сделал административную карьеру — ныне он проректор РГГУ. Иван Есаулов превратился в весьма оригинальную фигуру: он всерьёз исследует такие категории, как «пасхальность русской литературы», и всерьёз доказывает, что Владимир Набоков-де писал плохо, а вот Иван Шмелев — хорошо... Сергей Лавлинский ещё в Кемерове всерьёз погрузился в педагогику; ныне он занимается ею в стенах того же РГГУ.

Однако, несмотря на продолжавшуюся два десятилетия утечку мозгов в направлении столицы, кое-кто из этой плеяды остался и в Кемерове. В нынешнем году Леонид Фуксон из Кемеровского университета издал замечательную книжку «Чтение». Это небольшой по объёму, но фундаментальный по содержанию труд о категории, которая в теории литературы, как ни странно, на протяжении тысячелетий оставалась почти неисследованной — по крайней мере, сколько-нибудь последовательно и систематически. Все это доказывает, что на литературной карте России город Кемерово и его окрестности в конце прошлого и начале нынешнего века были весьма заметной величиной. По части изобразительных искусств или музыки ничего такого, насколько мне известно, пока не наблюдается — здесь можно говорить лишь об отдельных разрозненных именах, в земле Российской просиявших.

Объяснение этому найти нетрудно. Художникам и музыкантам все-таки необходима основательная школа. А писательство — дело одинокое, здесь хватает и таланта как такового. В особенности это касается лирических поэтов, но о них мы поговорим в следующий раз.